

Лидия Чарская

Паж цесаревны

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Лидия Чарская

Паж цесаревны / Лидия Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 174 с.

ISBN 978-5-4241-1376-5

Кругом было безлюдно и тихо. Только где-то слева всплескивалась темная вода Фонтанной речки, одной из многих, прорезавших молодую еще тогда столицу Санкт-Петербург... Там, за этой рекой, находился его домик... Поручик решил вырваться, рискуя жизнью, из рук предателей, добежать до своего дома и предупредить близких о случившемся.

ISBN 978-5-4241-1376-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Паж цесаревны

Историческая повесть

Часть I

Глава I

«Слово и дело»

— Стой! Ни шагу дальше! — прозвучал громкий окрик в темноте сентябрьской ночи.

И трое людей, одетых во все черное, в нахлобученных на голову черных треуголках, выскочив из-за угла улицы, загородили дорогу одиноко шагавшему позднею ночью молодому офицеру.

Нападение было совершено столь внезапно, что офицер не успел даже выхватить шпагу. Трое неизвестных бросились к нему с двух сторон. Один крепко схватил его за грудь, двое других — за руки.

— Что вам от меня надо? И кто вы такие? — громко спросил офицер, пытаясь освободиться. В его голосе слышались негодование и гнев.

— Кто мы и зачем остановили тебя, ты узнаешь после, а пока ни с места дальше! — был короткий, резкий ответ.

Трое неизвестных крепко держали молодого офицера, тщетно старавшегося вырваться из их крепких рук. Мрачные глаза незнакомцев сверкали на офицера далеко не дружелюбным огнем.

Однако офицер не растерялся. Неожиданное появление незнакомых людей, очевидно, скорее изумило, нежели испугало его. При бледном сиянии месяца красивое, открытое лицо молодого человека поражало своим благородным спокойствием.

— Что же вам, однако, от меня нужно? — повторил он свой вопрос прежним, спокойным голосом.

Вместо ответа один из незнакомцев произнес повелительным голосом:

— Довольно разговаривать!.. Ступай за нами!

— Но, позвольте, однако! — уже значительно, в свою очередь повысив голос, произнес офицер, — тут кроется какое-то недоразумение. Вы принимаете меня, очевидно, за кого-то другого. Я — поручик гвардии Семеновского Ее Величества полка Юрий Долинский, возвращаюсь с товарищеской вечеринки и спешу домой...

— Вот именно тебя-то нам и надо, голубчик! — воскликнул один из закутанных плащом людей. — Да ты и сам это прекрасно знаешь и прикидываешься только непонимающим! Нас не проведешь!

— Да что тут долго разговаривать, — прибавил второй. — Вот что: «слово и дело!» Мы арестуем тебя!

— Слово и дело! — повторили остальные.

Молодой гвардеец вздрогнул. Лицо его покрылось смертельной бледностью. Фраза «слово и дело», произнесенная незнакомцами, точно молотом ударила его по сердцу. И не без причины.

Молодой гвардеец хорошо знал, что выражение «слово и дело» в те тяжелые времена (это происходило в начале царствования императрицы Анны Иоанновны) имело совершенно особое значение. Раз к кому обращались с подобным выражением, это означало, что тот уличен, или, по крайней мере, заподозрен

либо в тяжелом государственном преступлении, либо в каком-нибудь недоброжелательном отзыве об императрице или ее правительстве, — и за это виновного ожидала пытка и смертная казнь. Знал также молодой гвардеец, что не только по всему Петербургу, но и по всей России сновали доносчики, усердно шпионившие за народом и доносившие о каждом неосторожно сказанном слове.

Нередко бывали случаи, что они оговаривали совершенно невинных людей просто из личной злобы или ради денежной награды, которую выдавала за каждый донос так называемая «тайная канцелярия» — гроза и ужас всего населения. Достаточно было доносчикам произнести роковое «слово и дело», чтобы людей тащить к допросу, на пытку, на казнь.

Поэтому, когда незнакомцы в плащах произнесли страшную фразу, молодой гвардеец тотчас же понял весь ужас своего положения.

Он беспокойно оглянулся.

Кругом было тихо и безлюдно. Ни шелеста, ни звука... Только где-то поблизости плескали темные воды Фонтанной речки, одной из многих рек, перерезавших молодую еще тогда столицу Санкт-Петербург... Там, за этой рекой, пройдя темный переулочек, находился его домик...

В голове молодого поручика блеснула мгновенная мысль: вырваться из рук предателей, добежать до своего дома, предупредить близких о случившемся, а может быть, если удастся, и скрыться совсем, спастись...

Да! Спасться во что бы то ни стало. Непременно спастись! Ведь у него жена, ребенок... Ему надо жить для них, нет: для России он должен жить, для дорогой родины, залитой слезами и кровью...

И с этой смелою мыслью юный офицер сильным ударом кулака свалил на землю одного из незнакомцев, все еще державшего его за грудь, оттолкнул другого, отбросил третьего и, размахивая добытой из ножен шпагою, со всех ног кинулся бежать.

Крики злобы и испуга и бешеные проклятия понеслись ему вдогонку.

— Держи! Лови преступника! — гремело следом за ним в осеннем ночном воздухе, и вскоре три пары ног гулко застучали о придорожные камни, устремляясь в погоню за беглецом. Но кругом было пусто и никто не прибежал на помощь преследователям. Молодой офицер, между тем, не медлил. Он перескочил ров, перелез через плетень и бежал, бежал, не переводя дух, не останавливаясь ни на минуту, едва касаясь ногами земли.

Отчаяние придало ему силы, страх — скорость ногам. Его преследователи остались далеко позади и, наконец, потеряли его след. По крайней мере, их бешеные крики долетали теперь глуше до его болезненно-напряженного слуха.

Добежав до небольшого домика, в темном, пустынном переулочке, молодой офицер из всей силы толкнул калитку, незаметно вделанную в заборе, и очутился на крошечном дворе. Затворив наскоро ворота плотным засовом, едва переводя дыхание, он вбежал на крыльцо.

Глава II

На вечную разлуку

— Какую ты мне сказочку расскажешь сегодня, матушка?

Этот вопрос был сделан маленьким шестилетним человечком сидевшей с ним рядом молодой, худенькой, красивой женщине.

Женщина эта казалась нездоровой. На бледном лице ее играли два предательских пятна румянца. Огромные глаза казались черными от усиленного блеска, игравшего в них.

Маленький человечек был очень похож на свою мать, только белые пухлые щечки его были покрыты здоровым, свежим румянцем, а темные глаза горели мягким, радостным, детским огоньком.

Молодая женщина любовно погладила кудрявую головенку сынишки и спросила ласково:

— Какую же сказку рассказать тебе, Андрюша?

— Ах, матушка, — радостно залепетал ребенок, — ту, старую, знаешь? Про красавицу царь-девицу, которую злые великаны-люди прогнали далеко, далеко с ее родины и не пускают вернуться в царский дворец ее отца...

— Да ведь ты уже знаешь эту сказку, мой миленький, — с улыбкою ответила молодая женщина.

— Ах, я ее рад слушать сто раз! — восторженно вскричал малютка, — и знаешь, мама, я так хорошо ее помню, что стоит мне закрыть глаза, и я вижу милую, ласковую царь-девицу, и мне кажется, что она говорит мне: «Ах, как мне скучно, Андрюша, вдалеке от родимой стороны! Как мне хочется вернуться туда, а злые великаны меня не пускают!..» Как все это странно, матушка: сказка и вдруг точно взаправданныя царь-девица является ко мне!

— Сказка-то эта — быть, мой милый, — печально проговорила молодая женщина. — Когда подрастешь немного, поймешь все, а пока слушай... Надо торопиться. Уже девятый час. Скоро вернется отец, будем ужинать, и мой мальчик пойдет бай-бай, на боковую...

— И опять увидит царь-девицу во сне, не правда ли, матушка? — радостно вскричал, сияя глазенками, Андрюша.

— Да, да, моя радость. А теперь слушай. Жил-был на свете ласковый и мудрый царь. Он страшно любил свое царство и старался сделать его могучей и сильной страной. Хотел он, чтобы на родине его были корабли и пушки, как и в других странах, и для этого отправлялся сам в чужие земли и под видом простого плотника изучал у иноземных мастеров как строить суда, как лить пушки. Чтобы расширить торговлю и сделать свою родину образованною страной, он завоевывал соседние страны, которые закрывали ему доступ в другие государства. Славное тогда было время для его страны. Когда мудрый царь умер, его жена, царица, продолжала дело своего покойного мужа. Но она недолго прожила после него и передала царство своему внуку...

— Которого звали Петром и который был маленький мальчик, вроде меня, — прервал мать Андрюша.

— Нет, он на целых шесть лет был старше тебя. Но и юный Петр недолго царствовал. После его смерти престол должен был перейти к красавице царь-девице, дочери мудрого царя, но злые люди...

— Великаны, матушка?

— Да, да, злые великаны не дали ей царствовать. И бедная царевна, дочь мудрого царя, ушла в дремучие леса, за широкие реки и, скрывшись в одном селе, зажила там с добрыми, полюбившими ее крестьянами...

Неожиданный стук в дверь внезапно прервал рассказ на полуслове.

— А вот и отец вернулся! — вскричала молодая женщина и, с легкостью

девочки вскочив со стула, бросилась к дверям.

— Наконец-то, Юрий! — радостно произнесла она, устремляясь навстречу вошедшему мужчине, и вдруг с громким криком испуга отступила назад.

Лицо молодого офицера было смертельно бледно. Глаза тихо блуждали. Его гвардейский мундир был разорван в нескольких местах.

— Спасайся, Наташа! — произнес он глухим голосом. — Спасайся, пока не поздно, и спаси нашего сына!.. Меня арестуют агенты тайной канцелярии...

— Великий Боже! За что! Что ты сделал, Юрий? — смертельно бледная и, всплеснув руками, вскричала женщина.

— За что? И ты еще спрашиваешь? Да разве что-либо делается теперь по праву? Разве душегубы-немцы не придираются к каждому случаю, чтобы пить нашу русскую кровь?.. Я сидел на вечеринке Буланина... Мы дружески разговаривали... Вспоминали лучшие времена, покойного государя, Великого Петра, матушку Екатерину и юного императора... Как ни тяжело было при последнем, а все же дышалось легче. Про царевну Елизавету говорили тоже... про ее друга Шубина... И я говорил... А там, вероятно, поблизости присутствовал один из шпионов обер-гофмейстера... На улице уже меня догнали... Хотели арестовать... Я бежал... предупредить тебя хотел, Наташа... Думал спастись, уйти вместе с вами... но нет, нельзя... все равно накроют... Вас подведут только... Вам бы лишь уйти... А то розыск, пытки... Тебя пытать будут... Не допущу этого, родная ты моя! Не допущу!

И молодой офицер в смертельном ужасе обхватил руками жену и сына.

— Нет, нет, милый! И я за тобою! На пытку, на розыск! На самую смерть! — пылко вскричала молодая женщина, бросившись на грудь мужа.

Она трепетала всем телом. Обильные слезы текли по ее лицу. Она прижалась к широкой, могучей груди Долинского и судорожно билась на ней.

Андрюша, видя эту сцену, с громким плачем бросился к родителям, не понимая, в чем дело, — о чем тоскует матушка и отец.

— Что будет с ним, если нас попытают, зачем обоих? — взволнованным голосом произнес Долинский. — Нет, нет! — добавил он твердо и, отстранив от себя жену, пристально заглянул ей в глаза и заговорил почти спокойно: — Ты слаба и нежна, Наташа. Я силен и крепок. Чего не сможешь вынести ты, болезненная и хрупкая женщина, то буду в состоянии вынести я. Кто знает, может, дело обойдется простым допросом. А ты... ты... ты возьмешь Андрюшу, голубка, и сейчас же выберешься отсюда, чтобы злодеи не нашли тебя здесь... С первой же возможностью ты уедешь из Петербурга в Москву... Оттуда в слободу Покровскую. В Покровской слободе, при дворе цесаревны, живет наш друг Шубин, Андрюшин крестный. К нему-то и обратись за помощью. Пусть упросит, умолит царевну о ее высококом покровительстве Андрюше и тебе... Живите там с Богом... а как услышите, что выпустили меня, приезжайте немедленно назад... А теперь... собирайся, во имя Бога, Наташа, пока не поздно... Нельзя терять ни минуты... Ради сына ты должна беречь себя, должна скрыться... Ведь злодеи не ограничатся одним моим арестом. Они притянут к розыску и тебя!.. Торопи...

Долинский не кончил. Громкий удар в ворота прервал его речь. Наталья Дмитриевна громко вскрикнула и повисла на шее мужа. Андрюша с плачем бросился к отцу.

Так длилась секунда, другая... Потом молодая женщина разом отпрянула от

любимого человека. Смертельно бледное лицо ее приняло выражение решимости. Глаза вспыхнули недобрым огнем.

— Слушай, Юрий, жизнь моя! — произнесла она звенящим голосом, — если нам суждено увидиться, я буду самой счастливой женщиной в мире, но если... если, не дай Бог, случится что-либо, наш сын, наш Андрюша вырастет таким же честным и благородным человеком, как и его отец! Клянусь тебе в том!..

И, осенив широким крестным знаменем мужа, она поцеловала его долгим прощальным поцелуем, потом кинулась во внутренние комнаты и, стараясь не производить шума и не будить прислуги, быстро отыскала нужное теплое платье себе и сыну.

В одну минуту Андрюша был одет, укутан, как в дальнюю дорогу. Его мать накинула на себя теплый платок и кофту, в которой было трудно узнать изящную, благородную жену гвардейца.

Надо было спешить. Каждое лишнее промедление несло гибель. Стук в ворота усиливался с каждой минутой. Слышно было, что стучало не двое и не трое людей, а целая толпа ломилась в крошечный дворик Долинских.

— Прощай, Наташа! Прощай, моя радость! Господь с тобою. Береги себя! — прошептал глубоко потрясенный молодой офицер. — Прощай, Андрюша, крошка мой, прощай! — продолжил он, высоко вскидывая на руки маленького человечка и прижимая его к своему сильно бьющемуся сердцу. — Слушайся мать и не забывай своего отца. Слышишь, мой Андрюша?

Мальчик только горько плакал, глядя на слезы матери и на печальное лицо отца. Но он мало понимал из того, что перед ним происходило. Ему только жутко было от таких странных стуков, которые, не умолкая теперь ни на мгновение, потрясали до основания их небольшой дом.

— Пора! Идем, Андрюша! — произнесла наконец его мать, бережно принимая мальчика из рук мужа, и быстрыми шагами направилась к двери. Эта дверь вела в задние сени, откуда был выход прямо в огромный пустырь, находящийся на окраине города.

— А как же батюшка? Разве он останется здесь? — спросил Андрюша, беспокойно оглядываясь назад.

— Да, милый, он должен остаться, — произнесла молодая женщина, едва удерживаясь на ногах от горя, — а мы с тобой пойдем к царь-девице, к юной царевне из маминой сказки...

И вдруг голос, произносивший эти слова, разом затих, оборвался. Наташа с воплем протянула руки назад. Лицо ее искажилось мукой.

— Юрий, Юрий! — прошептала она в смертельной тоске, — беги с нами, пока не поздно...

Долинский взглянул ей прямо в глаза. Печаль, мука и бесконечная любовь отразились в его взоре.

— Ради блага Андрея, иди! — произнес он, благословляя жену издали, и махнул рукою.

С громким рыданием схватила Наталья Дмитриевна на руки сына и бросилась вон из горницы.

В тот же миг ворота, теснимые напором толпы, рухнули, и несколько человек с шумом ворвались во двор. Юрий ясно слышал теперь, как раздались шаги на лестнице, затем на крыльце, у самой двери... В то же время он чутко прислуши-

вался к другим шагам, слабым, чуть слышным, доносившимся из сеней, шагам его Наташи. Вот, вот они тише... еще тише... Замерли совсем. Слава Богу, его жена и ребенок вне опасности! Тогда он медленно подошел к двери и ждал, все еще выгадывая время, когда и эта последняя преграда падет под руками его врагов. Ждать пришлось недолго.

Несколько сильных ударов, и дверь отскочила, сорванная с петель.

Долинский стоял перед нею со скрещенными на груди руками. В лице его не было страха. А между тем он знал, что за оказанное им сопротивление агентам «тайной канцелярии» он подлежал жестоким пыткам, может быть, смерти... Но он не хотел добивать этим известием свою Наташу и, как мог, успокоил ее.

— Берите меня. Я отдаюсь в ваши руки! — произнес молодой офицер, сделал несколько шагов вперед.

Знакомые ему три человека в черных треуголках с целой ватагой приспешников бросились к нему, повалили на пол и, связав по рукам и ногам, с бранью и проклятиями поволокли его с собою...

Глава III

Страничка прошлого

— Что мы делаем, россияне? Петра Великого погребаем? Скорбным, мучительным звуком пронесся под сводами храма голос новгородского архиерея и главы Синода, Феофана Прокоповича.

И оратор-пастырь, готовившийся произнести надгробное слово, глухо зарыдал, как ребенок. Зарыдал за ним и весь православный народ. Вся Русь зарыдала.

А мудрый преобразователь России, неустрашимый вождь Великой Северной войны, создатель русского флота, творец начала русского просвещения и основатель северной столицы лежал в гробу. На престол воссела его жена, Екатерина.

Около двадцати лет перед тем, во время войны со шведами, при покорении ливонского, подвластного шведам, города Мариенбурга, русские взяли в плен семейство пастора Глюка и его молоденькую служанку Марту Скавронскую... А через небольшой промежуток времени эта Марта так сумела понравиться Петру, что он женился на ней и сделал ее императрицей. После смерти великого царя Екатерина продолжала управлять Россией по образцу своего великого мужа. Но недолго царствовала императрица. Жестокая горячка унесла ее в 1727 году. Судьба лишь двумя годами позволяет ей пережить своего великого супруга. Две дочери остаются сиротами после матушки царицы. Одна из них, старшая, Анна, в год кончины государыни просватана за голштинского принца Фридриха-Карла, вторая, Елизавета, намечалась в невесты его двоюродному брату, принцу Карлу Ульриху, но молодой принц скончался почти одновременно с императрицей, и цесаревна Елизавета осталась в невестах вдовой.

Императрица Екатерина не успела назначить себе преемника.

Смерть ее вызвала вопрос — кому быть царем? Мужского потомства у императрицы не было. Правда, в Петербурге жил внук царя Петра от первой его жены, Евдокии Лопухиной, сын царевича Алексея Петровича, лишенного еще при жизни Петра престола. Этот внук, Петр Алексеевич, как прямой потомок Петра, мог бы сделаться царем, но Петруша слишком еще мал, чтобы управлять государством. Ему 12 лет только. Он должен еще учиться, чтобы пойти по следам своего могучего дедушки. А между тем юный Петр учиться не любил. Да и